

Виолончель, стандартно

Джек наблюдал, как Валери собиралась в дорогу. Тяжёлые твёрдые вещи в спортивной сумке. Мягко уложенная в одежду виолончель. Она заткнула щели скрученными носками и тонкими трусиками, обернула гриф и головку блузками и свитерами.

"Позволь мне пойти с тобой" – сказал он. "Нет. Я слишком нервничаю"

Она напевала, повторяя, прелюдию Баха из сюиты №1. Легато и стаккато, плавно и глубоко, последний месяц она снова и снова тренировалась всеми возможными способами.

"Всё будет хорошо" – сказал он. "Ты годишься для любой программы"

"Верно. И другие студенты тоже смогут называть меня старушкой"

Нахмурившись, Валери засунула наряд для прослушивания в чехол для одежды. Тёмно-синий шёлк, скромный как ад, пока она не раздвигала ноги для виолончели, и скрытые разрезы обнажали её тонкие икры, её изящные стопы с высоким подъёмом.

"Кроме того" – добавила она – "я хочу, чтобы Хопалонг сидел со мной впереди"

Она потрепала виолончель, на мгновение приласкав дуги. Футляр для виолончели лежал поперёк кровати, распахнутый, подкладка из красного вельвета резко контрастировала с белым покрывалом, виолончель была сама по себе глубоко красно-коричневой.

Вот уже год Джек делил кров с этим существом, живым деревом, и с Валери, воплощением тепла, света и самой жизни. "Я нужен тебе" – сказал он, стиснув кулаки в карманах брюк. – "По крайней мере, чтобы помочь с багажом. Принести кофе. Сделать массаж. Твоя личная группа поддержки"

Валери прервалась, чтобы подняться на колени. Бросилась ему на шею, обвила её руками.

"Я вернусь, ты же знаешь. Не успеешь соскучиться"

"Я уже скучаю. Кроме того, они тебя примут, и ты там останешься" Валери покачала головой, но Джек крепко её держал. "Да-да, возьмут. Ты так усиленно занималась. Ты позаботилась об этом. Они не могут тебя не взять "

Она его поцеловала. В губы, в щёки, в закрытые веки. "Ты милый" – сказала она – "Но ради Бога, повзрослей"

Они встретились в музыкальном магазине. Валери оценивала достоинства электронной дорожной виолончели Yamaha. "Весит меньше десяти фунтов" – заверил её продавец – "даже с дорожным футляром. Вы сможете взять её куда угодно" Он поставил её и включил. "Без деревянного корпуса, всё что есть – это гриф виолончели и головка, разворачивающиеся боковые части, которые балансируют между ног виолончелиста и подбородник"

"Похоже на богомола" - пошутил Джек, забыв, что притворяется, что не слушает, надеясь преодолеть разрыв между классикой и роком, виолончелистом и барабанщиком, инь и янь.

Валери улыбнулась, и, садясь, провела смычком по струнам, выводя пассаж Верди.

"Приятный гудящий тон" – сказала она. "Мне нравится. Хорошо строит наверху. Но не для меня"

"Может, она должна быть Вашей" – он ощутил толчок – "Если Вы ездите на занятия и обратно на автобусе, она избавит Вас от многих трудностей. Облегчите себе жизнь"

"Я так не думаю. Проще – не всегда лучше" Она подбросил в воздух ключи и поймала их. Её конский хвостик торчал сзади из кепки с легендарным принтом "Бах – мой кореш"

Джек закрыл глаза, представляя себе, как он закручивает этот хвостик рукой, разворачивая к себе её лицо для поцелуя. Он открыл глаза, чтобы увидеть, что она улыбается ему, как будто читает его мысли.

"Некоторые вещи не должны быть простыми" – передразнила она, неторопливо проходя так близко от него, что он почувствовал аромат её духов.

"Они должны соответствовать действительности"

Джек несколько раз приглашал её то на обед, то на концерт, и наконец, в постель.

Перед тем, как они занялись любовью в первый раз, она водила руками по своему телу, медля, чтобы поласкать себя. Пиццикато, прошептала она, и облизала пальцы. Жадно обсосала свой сок, прежде чем дать ему насладиться ей.

Джек проснулся среди ночи. Её половина кровати была холодная, и он слышал, как шумит душ в ванной. Она не могла спать – открытый футляр от виолончели лежал на ковре, и она, по-видимому, переупаковывала её - вместо блузки был кашемировый шарф, синие кружевные трусики были обернуты вокруг грифа. Её счастливые трусики, как она говорила. Она верила в удачу. Интуиция, судьба, шанс, предчувствия. Она даже помыла машину в тот день, просто на всякий случай. "На случай чего" – спросил Джек, зная, и она усмехнулась. "Вдруг директор увидит меня выходящей из машины перед прослушиванием? Может, он скажет: какая чистая машина! Хочу, чтобы эта девушка была на моих занятиях!" Улыбка исчезла, и она пожала плечами. "Попробовать стоит. Хотя шансов мало"

"Ты сделаешь это" – повторял Джек.

"Может и нет. Может, я и Хопалонг будем пилить в одиночку, пока не дойдём до самого дна и станем, знаешь, давать уроки. Это будет полный провал" Её голос был ровным, но когда она повернулась, Джек увидел слёзы.

Всё зависело от этого прослушивания. По крайней мере, она так думала, он это знал. У неё не было другого плана, не было выбора, не было запасных вариантов. Его мучило, желудок прилип к позвоночнику. Если она поступит на программу, то переедет в Бостон. Конечно, он мог поехать за ней. Хороший барабанщик всегда найдет работу. Но в Бостоне, в атмосфере роскоши, она перерастёт его. Это был бы окончательный разрыв между классикой и современностью, Бах против рока. Она становилась всё серьезней, всё больше отдавалась своему искусству. Он видел это прямо сейчас, провидел. Если она получит эту работу, то бросит его. И это всё виолончель, этот проклятый большой * бип * между её ног! Она даже не была классической или старинной, просто стандартная виолончель из каталога. Ничего больше она не могла себе позволить. Он вспомнил их первую ночь любви, когда она сводила его с ума прикосновениями, ласкала его, пока он трепетал, играла с ним, пока он не достиг крещендо. И потом, когда он лежал там, а простыни остывали, она ушла в гостиную, и он нашёл её там, обнажённую, играющую Вивальди в лунном свете. После этого у него не было выбора.

Взгляд Джека упал на кусочек синего кружева, и он вытащил трусики из-под грифа.

Прижал их к лицу, пока его чувства не наполнил её запах. Он всё ещё слышал бегущую воду в ванной и голос Валери, напевающей открытые ноты Сарабанды D-мажор. Он быстро вытащил всю одежду, обернутую вокруг виолончели. Он вытащил её из футляра и поставил между ног. Небольшое нажатие, самую малость, и дерево может треснуть. Никто не узнает. Она вытащит её, чтобы размяться перед прослушиванием, и услышит лёгкий вздох, как будто воздух вышел из легких виолончели. Тогда она потеряет уверенность. Это будет в её глазах, как у Саши Коэн перед долгим представлением на Олимпийских играх. Самоосуществлённое пророчество, что она потерпит неудачу. Валери придёт с прослушивания домой в отчаянии, но он сделает это для неё. Он любит её достаточно сильно, чтобы сделать это. В одной руке он всё ещё сжимал трусики. Она была в них в тот день, когда они встретились – вот почему она говорила, что они счастливые. "Кто бы мог подумать" – говорила она – "что мы найдём друг друга в этом огромном мире? Это должно было случиться" В одной руке он держал трусики, в другой – виолончель. Склониться в сторону на один момент, принять одно решение, одно мгновение, чтобы изменить его жизнь навсегда.

"О!"

Валери стояла в дверях ванной, обернутая полотенцем. Она стояла совершенно спокойно, анализируя происходящее. Он ещё ничего не сделал, но в момент прозрения, самоосуществлённого пророчества и просто невезения, он знал, что она знает, что она поняла. Он знал, что всё кончено.

Есть неточности и ошибки, грамматические неувязки. В целом же довольно хорошо. Некоторые сложные места очень удачно переведены.